

Лёзов Игорь Леонидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Международно-правового факультета Всероссийской Академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Право и образование. № 6 – 2016 (ISSN – 2076-1503)

Критика идеи парламентаризма в работах отечественных государствоведов XIX века.

Идея парламентаризма, получившая широкое распространение в европейском политическом сознании со времён французской буржуазной революции, была воспринята в России неоднозначно. Основная палитра мнений отечественных государствоведов XIX столетия включает в себя различные точки зрения, в основном, находящиеся в диапазоне от осторожно-скептических до крайне отрицательных.

В настоящей статье будут рассмотрены взгляды на парламентаризм трёх выдающихся русских исследователей: Фёдора Ивановича Тютчева, Бориса Николаевича Чичерина и Константина Петровича Победоносцева. Все перечисленные авторы критикуют представительную демократию, хотя делают это исходя из разных оснований и даже из разных идеологических (мировоззренческих) систем.

Ф. И. Тютчев – великий поэт и замечательный публицист, несомненный патриот свой Родины, человек православного мировоззрения, воспринимавший политические и иные социальные парадигмы исключительно сквозь призму христианских канонов. Отношение к западному парламентаризму сложилось у него

ещё во время дипломатической деятельности в Германии. Знание и понимание европейской действительности, размышления над политической ситуацией в Европе и в России привели Тютчева к написанию ряда писем и трактатов о государственном правлении, которые будут анализироваться ниже.

Б. Н. Чичерин – учёный-правовед, профессор Московского Университета, активно совмещавший преподавательскую, научную и общественно-политическую деятельность, автор ряда фундаментальных исследований по государственному праву.

К. П. Победоносцев – политический деятель, сенатор, член Государственного Совета России, обер-прокурор Святейшего Синода. Одновременно с этим – выдающийся юрист, оставивший в наследие потомкам трёхтомный «Курс гражданского права», по праву входящий в золотой фонд отечественной правовой литературы.

Хронологически первым в этом ряду стоит Тютчев.

Одна из основополагающих идей Ф. И. Тютчева заключалась в том, что эффективность любого общественного института определяется не его формой, а исключительно его внутренним содержанием. И качество этого содержания целиком зависит от той духовно-нравственной почвы, из которой данный институт произрастает, на которой он покоится, из которой он черпает жизненную энергию. Сама по себе форма, какой бы блестящей она ни казалась с первого взгляда, для автора «России и революции» - ничто. Она лишь обёртка, под которой может скрываться и польза и вред. Форма не может животворить, не может уменьшать количество зла и увеличивать количество добра, форма не способна создать новый импульс для плодотворного общественного развития.

Современное ему и хорошо им понятое западное общество Тютчев в основном и критикует за «идолопоклонство ... перед всем, что является формой,

формулой и политическим механизмом»¹. «Это идолопоклонство, - говорит он, - стало как бы последней религией Запада»², своего рода шорой на глазах, мешающей увидеть реальность за ничего не значащей обёрткой.

Исходя из данного утверждения ясно, что принцип народного волеизъявления, как и другие принципы социальной жизни, по мысли автора, не только могут породить кардинально разные последствия в зависимости от их духовно-нравственного фундамента, но и реально порождали их в истории человечества.

Говоря о разновидностях этого фундамента, определяющего (ещё раз подчеркнём) сущность, смысл и эффективность любого социального явления, Тютчев занимает достаточно бескомпромиссную позицию: с его точки зрения, таким фундаментом, такой почвой могут быть либо христианские, либо (противоположные им) антихристианские идеалы.

Водоразделом между относительно одухотворённой государственностью, основанной на христианском миропонимании, и безбожной, секуляризированной, государственностью, основанной исключительно на «гордыне ума», Тютчев считал французскую революцию и в особенности события 1793 года, которые, по мнению мыслителя, коренным образом извратили всю внутреннюю сущность государственной власти на большей части территории Западной Европы.

«Антихристианский дух, - утверждает Тютчев, - есть душа Революции, её сущностное отличительное свойство. Её последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления — всё это частности и случайные подробности. А оживляет её именно антихристианское начало, дающее ей также

¹ Тютчев Ф. И. Римский вопрос. \ \ Тютчев Ф. Россия и Запад. М., Институт русской цивилизации, 2011. С. 83.

² Там же.

(нельзя не признать) столь грозную власть над миром»³. «Первая французская революция навсегда останется памятной датой мировой истории именно тем, что она положила почин возведению антихристианской идеи на престол правительственного управления политическим обществом. ... Впервые политическое общество соглашалось на власть Государства, совершенно чуждого всякого стоящего над человеком высшего освящения; Государства, объявившего, что у него нет души, а если и есть, то она совсем не верующая»⁴.

Говоря о пагубных для Европы последствиях революции, автор далее пишет, что «дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие - принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом.»⁵

Несмотря на очевидное сходство форм, Тютчев видит огромное различие между сословными учреждениями, подкреплявшими власть христианских монархов и революционными коллегиальными органами, образованными на основе антихристианского принципа народного суверенитета. Таким образом, для него парламентаризм как явление историческое, возникшее задолго до XVIII века, и парламентаризм как феномен жизни континентального Запада в период написания «России и революции» - два совершенно разных понятия, объединённых лишь общим названием и общей обёрткой-формой. Относясь с уважением к парламентаризму, как явлению историческому, Тютчев последовательно критикует тот парламентаризм, который он видит в действительности, то определяя эгоизм

³ Тютчев Ф. И. Россия и революция. // Тютчев Ф. . Россия и Запад. М., Институт русской цивилизации, 2011. С. 68.

⁴ Тютчев Ф. И. Римский вопрос. // Тютчев Ф. Россия и Запад. М., Институт русской цивилизации, 2011. С. 88.

⁵ Тютчев Ф. И. Россия и революция. // Тютчев Ф. . Россия и Запад. М., Институт русской цивилизации, 2011. С. 68.

как «молекулу современной демократии»⁶, то откровенно называя германский Предпарламент «сборищем журналистов, адвокатов и профессоров»⁷. В 1859 году, вернувшись на Родину из поездки по Франции, он так описывает увиденное там: «Это правительственный строй, как бы возвращенный развратом в степень первобытности. Это почти уже состояние натуральности, как в публичных банях России. И когда подумаешь, что у всего этого нравственного и умственного растления, у всей этой грубо-цинической лжи состоит в распоряжении такая грозная материальная сила ... – есть, отчего содрогнуться за будущность мира»⁸.

Идея народного суверенитета, порождённая революционным (а, следовательно, атеистическим) сознанием, по мнению Тютчева, есть не что иное, как реальное воплощение человеческой гордыни в политической жизни. «Человеческое Я, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое Я, заменяющее собой Бога, конечно же, не является чем-то новым среди людей; новым становится самовластие человеческого Я, возведённое в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом. Это новшество и получило ... имя Французской революции»⁹.

В незавершённом трактате «Россия и Запад» Тютчев формулирует основную "современную мысль западной цивилизации", которая родилась в период революции и отравила Европу: «Мысль эта такова: человек, в конечном итоге, зависит только от себя самого как в управлении своим разумом, так и в управлении своей волей. Всякая власть исходит от человека; всё провозглашающее себя выше человека - либо иллюзия, либо обман. Словом, это апофеоз человеческого Я в

⁶ Тютчев Ф. И. Россия и Запад. \ Тютчев Ф. . Россия и Запад. М., Институт русской цивилизации, 2011. С. 102.

⁷ Там же

⁸ Тарасов Б. Н. Куда движется история? Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции. СПб., «Алетейя», 2002. С. 128.

самом буквальном смысле слова»¹⁰.

Идее парламентаризма и всему набору «западных форм», слепое копирование которых в XIX веке в России уже почти превратилось в моду, Тютчев противопоставляет имеющую традиционные национальные корни идею «народного волеизъявления в земстве», основанную на христианском понимании добра и общей ответственности русских людей за стабильность государства, его целостность и нерушимость. Идею, уходящую своими корнями в православный догмат соборности. Отличий между либерально-демократическим парламентаризмом и соборностью достаточно много. Но основным является следующее. В основе «земской соборности» лежит чувство ответственности за настоящее и будущее России, в то время как в основе либерального (или, выражаясь языком Тютчева, «революционного») парламентаризма - убеждение в том, что приоритетной ценностью на все времена являются права человека и, в частности, право избирать и быть избранным в представительные органы власти. Соборность предполагает в качестве реального своего исполнителя человека, **готового брать на себя ответственность** за судьбу Родины, за свою судьбу и судьбы ближних. Парламентаризм же ставит в центр социальной системы человека, **имеющего право** и защищающего своё право. И (о чём уже говорилось выше) - соборность черпает творческую силу из чувства Бога, веры в Бога, долга перед Богом, в то время как либеральный парламентаризм зиждется на антихристианских постулатах о народном суверенитете и договорном характере происхождения государственности. «Земству, пишет Тютчев, - одному всецелому русскому земству, принадлежит в будущем право народного представительства, -

⁹ Тютчев Ф. И. Россия и революция. \ \ Тютчев Ф. . Россия и Запад. М., Институт русской цивилизации, 2011. С. 68.

¹⁰ Тютчев Ф. И. Россия и Запад. \ \ Тютчев Ф. . Россия и Запад. М., Институт русской цивилизации, 2011. С. 102

но дайте же время и возможность сложиться и устроиться!»¹¹ Анализируя данную категорию современный исследователь творческого наследия Тютчева Б. Н. Тарасов справедливо отмечает: «В понимании поэта единство веры, государства и народа предполагало в идеале развитие всех сторон социальной, экономической и политической жизни, при котором разные слои общества не утрачивали бы её духовного измерения, добровольно умеряли бы эгоистические страсти и корыстные интересы в свете совестного правосознания и свободного устремления к общему благу, органически сохраняли бы живые формулы человеческого достоинства: «быть, а не казаться», «служить, а не прислуживаться», «честь, а не почести», «в правоте моя победа»¹².

В течение всей своей жизни Ф. И. Тютчев был противником копирования западных форм в России, логично полагая, что любая новая социальная форма должна рождаться из национальной духовности и национального менталитета. И только в этом случае такая «форма», будь это новый общественный институт, новый государственный орган или новый законодательный акт, имеет будущее и способна принести пользу. В противном случае «форма» становится мертворождённой, а, если речь идёт о новом государственном органе, то, оставаясь без твёрдого духовно-нравственного содержания, он, в лучшем случае, окажется неэффективным, в худшем - станет привлекательной целью для людей, склонных к властолюбию и далёких от идеалов общественного блага.

Во всех своих произведениях Тютчев неизменно выступает как христианский мыслитель, выводы которого базируются на твёрдом основании православного

¹¹ Из письма Ф. и. Тютчева А. И. Георгиевскому 3 февраля 1865 года. \ \ Литературное наследство. Т. 97. М., 1989. С. 390.

¹² Тарасов Б. Н. . Куда движется история? Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции. СПб., «Алетейя», 2002. С. 140.

вероучения и логично вытекают из него. Его разум отвергает идеи «Революции» как нечто ментально неприемлемое, неорганичное и инородное по отношению к заповедям Нового Завета и христианской культуре.

С совершенно иной идеологической и ментальной платформы рассуждает о парламентаризме другой русский мыслитель – Борис Николаевич Чичерин, автор многочисленных трудов по теории государственного права. В трехтомном «Курсе государственной науки» Чичерин пишет о демократии с идеологически отвлеченных позиций, рассматривая её в духе Аристотеля, как одну из форм правления. Стиль указанного произведения можно назвать вполне светским, схоластическим и даже научным, то есть вполне сходным со стилем «Афинской политики». Вслед за Аристотелем Чичерин характеризует знакомые ему формы правления, определяя положительные и отрицательные стороны каждой из них. Рассматривая парламентарную демократию именно как «форму» и признавая (в отличие от Тютчева) важность «форм» и их влияние на общественную жизнь, Чичерин пытается выделить её позитивные черты, способные изменить общество к лучшему.

Одной из таких, безусловно, положительных, с точки зрения Чичерина, черт является высокая степень защиты индивидуальных прав и свобод, гарантируемая личным участием каждого члена социума в формировании органов государственной власти, а в ряде случаев - и в непосредственном решении важных государственных вопросов.

Вторым положительным свойством демократии автор называет её способность наиболее полно раскрывать творческую энергию каждого индивида. «В человеке, - пишет Чичерин, - рождается сознание своей силы и уверенность в себе. Он делает все, что может сделать; и физический и умственный труд, не стесненные ничем, достигают высшей степени производительности. А так как

личный труд составляет коренной источник всякого движения и всякого прогресса, то свобода составляет первое и главное условие человеческого развития»¹³.

Собственно, на этом перечень действительно достойных внимания "плюсов" демократического правления в «Курсе государственной науки» и заканчивается, несмотря на несомненное желание автора найти как можно больше оправданий идее народовластия, становившейся всё более и более популярной в России конца XIX века. Все прочие «положительные черты демократии» при ближайшем их рассмотрении и объективном анализе предстают как риторически возвышенные, но вместе с тем наивные и далекие от реальной жизни рассуждения. В качестве живой иллюстрации приведём лишь некоторые из них. Так, автор считает, что человек в условиях демократии «не знает над собою владыки; как член свободного народа, он преклоняется только перед общею волей», политические дела «становятся делом каждого, обсуждаются во всех углах», и это «воспитывает народ, возвышает его умственный уровень и приучает его к самостоятельному управлению своими делами», а правительство «является чистым представителем народа, от которого оно состоит в постоянной зависимости».¹⁴

Анализ отрицательных черт демократии (и здесь нужно отдать должное честности и объективности Чичерина-государствоведа при всей светскости его мировоззрения) проводится автором гораздо более глубоко и о многом заставляет задуматься.

Любая демократия, и представительная в том числе, по мнению автора, нивелирует, сводит к минимуму роль талантливых и способных людей в сфере

¹³ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Т. 1. // Российский военный сборник. Выпуск II. Русские мыслители о национально-государственном развитии России. Т. 1. С. 77.

¹⁴ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Т. 1. Кн. 2. М., Типография товарищества Кушнера и К., 1894. // Гарант. Платформа F1. ЭКСПЕРТ.

политической жизни. Такие люди остаются либо на периферии, либо вообще за пределами активной общественной деятельности. В демократии «начало равенства, последовательно проведенное, устраняет начало способности. А так как высшее развитие всегда составляет достояние меньшинства, дела же решаются большинством, то здесь верховная власть вручается наименее способной части общества. ... На массу всего более действуют те, которые умеют низойти к ее уровню и говорить к ее страстям»¹⁵.

Другой роковой чертой демократии, о которой рассуждает Чичерин, является партийная дифференциация общества и межпартийная борьба за власть. Такая форма правления непременно подразумевает «безграничное владычество духа партии, из которых каждая стремится захватить власть в свои руки с тем, чтобы проводить свои виды». В демократическом государстве, основанном на парламентских началах и политическом плюрализме, деятельность партий направлена на то, чтобы «одолеть противников, и для этого не гнушаются никакими средствами. Государственный интерес затмевается партийными целями. Организуется целая система лжи и клеветы, имеющая задачу представить в превратном виде и власть, и людей. ... Всевозможные милости расточаются приверженцам партии, находящейся у власти. Чтоб обработать и направить народные массы, нужна целая ватага второстепенных деятелей, заглядывающих во все закоулки и неумолимо преследующих партийную цель. Образуется особый класс политиканов, которые из политической агитации делают ремесло и средство наживы. Они являются главными двигателями и орудиями на политическом поприще, и как скоро их партия получила перевес, так все государственные должности отдаются им на расхищение».¹⁶ Приведенные выше рассуждения

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Чичерин иллюстрирует ссылками на политическую систему Соединенных Штатов Америки, так и не сумевшую, по его мнению, за более чем сто лет своего существования искоренить данный порок. Интересно, что светское мировоззрение автора не подсказывает ему никакого выхода из этой проблемной ситуации, например, на пути «образования» или «просвещения» народа. Видимо, здравая интуиция и подсознание убеждали его в неэффективности подобных подходов там, где дело касается глубинной испорченности человеческой природы.

В условиях партийной борьбы, выносящей в круговорот политической деятельности самых беспринципных и бесталанных членов общества, любой уважающий себя человек, по мнению Чичерина, «неохотно вступает на поприще, где ему приходится вести борьбу с противниками самого низменного свойства, где сам он подвергается грязным нападкам и бессовестной клевете, где каждое его слово толкуется вкривь и каждый поступок представляется в ложном свете, где самая его частная жизнь и репутация близких ему людей становятся предметом публичной полемики, язвительных намеков и часто совершенно превратных разоблачений. Чтобы действовать на политическом поприще в демократической стране, нужно сделаться толстокожим; но для этого надобно в значительной степени потерять чувство нравственного достоинства. Многие на это не пойдут»¹⁷. «Таким образом,- заключает автор свою мысль, - руководителями народа остаются демагоги, которые умеют низойти к уровню массы, говорить ее языком, льстить ее самолюбию, потакать ее страстям, возбуждать в ней самые низменные влечения - одним словом, пускать в ход все те средства, которыми гнушается уважающий себя человек».

В высшей степени актуально и провиденциально выглядит и следующая мысль Чичерина: демократическое правление может сопровождаться и часто

¹⁷ Там же.

сопровождается оголтелой, нестерпимой тиранией в сфере общественного сознания. Ссылаясь на известный ему западный опыт, автор пишет: «Во Франции, в общинах, где владычествует социалистическое или радикальное большинство, жены и дети лиц, зависимых от местных властей, не смеют войти в церковь из опасения, что их мужья и отцы лишатся места за клерикальный образ мыслей»¹⁸. Нужно заметить, что современная нам западноевропейская действительность даёт ещё большую массу примеров «демократической тирании». В отличие от XIX века наш современник-европеец может «лишиться места» и за ношение нательного креста, и за открытое осуждение гомосексуализма.

Наконец, ещё одной, если не отрицательной, то, как минимум, опасной чертой демократии, по мысли Чичерина, является её неудержимое стремление к реформаторству. Демократия «смотрит не назад, а вперед; она ищет не сохранения, а улучшения. Необходимые для устойчивой политики охранительные начала откидываются в сторону, как несовместные с демократией; самые умеренные люди непременно хотят быть прогрессистами».

Демократическое правление, по мнению Чичерина, не всегда является устойчивым. Степень её устойчивости зависит от ряда конкретных условий и обстоятельств. К ним автор относит:

- наличие того или иного господствующего в данном обществе вероисповедания. При этом автор считает, что наиболее приемлемой для развития демократии и парламентаризма является протестантская форма мировоззрения, возводящая в ранг высших ценностей личный успех и материальное благополучие индивида. Доминирование в обществе католического вероисповедания расценивается в «Курсе государственной науки» как существенный фактор, влекущий за собой нестабильность правления, основанного на принципах

¹⁸ Там же.

представительной демократии. Такая точка зрения представляется логичной и обоснованной, учитывая специфику католического мировосприятия, предполагающего приоритет церковно-общественных интересов над личными и не оставляющего место для рассуждений о «народном суверенитете». Что же касается таких вероучений, как православие, ислам или буддизм, то их Чичерин даже не рассматривает в своём труде, по-видимому, считая, что в подобных обществах (в том числе, и в обществе российском) парламентаризм невозможен в принципе;

- наличие или отсутствие устойчивого и многочисленного «среднего класса». Чичерин полагает, что значительный разрыв в уровнях доходов граждан порождает у одних людей чувство излишней самодостаточности (и, соответственно, приводит к оторванности от народа), а у других - недовольство своим материальным положением, которое способно вообще смести с политической арены любое правительство;

- наличие или отсутствие развитого гражданского общества, основанного на «самодеятельности народа». Подобная самодеятельность в сфере решения социально-значимых вопросов (включая в себя активное и сознательное участие граждан в работе профсоюзов и иных общественных организаций) создает благоприятные условия для развития сознания людей в духе демократической идеологии и, соответственно, поддерживает устойчивость парламентских институтов.

- особенности внешнеполитической ситуации. В «Курсе государственной науки» последовательно проводится мысль о том, что представительная демократия является стабильной и эффективной лишь в условиях мирного развития страны. Война, по мнению Чичерина, как минимум, приводит к снижению степени действенности власти.

Помимо этого, серьезными условиями, обеспечивающими жизнеспособность

представительной демократии, по мнению автора, являются наличие в составе парламента сильной, авторитетной верхней палаты и независимость судебной власти.

Чичерин отмечает шаткость, неустойчивость правления, основанного на парламентаризме, подчеркивая уязвимость данной формы правления при отсутствии любого из указанных выше факторов. «Демократия извращается и падает, - писал он, - 1) когда ослабляется или уничтожается авторитет верхней палаты, имеющей призвание сдерживать увлечения массы или непосредственных ее представителей; 2) когда судебная власть теряет свою самостоятельность; 3) когда закон перестает быть один для всех и устанавливаются привилегии для низших классов в виде прогрессивного налога, изъятия от податей и т. п.; 4) когда борьба партий обостряется до такой степени, что сохранение внутреннего порядка становится затруднительным; 5) когда деспотизм большинства, посягая и на внешнюю и на внутреннюю свободу человека, делает не только общественную, но и частную жизнь нестерпимой и тем подрывает самые основы демократического правления»¹⁹.

Особняком в ряду работ отечественных государствоведов XIX века, посвященных парламентаризму, стоит публицистическая статья Константина Петровича Победоносцева с ярким и говорящим за себя названием «Великая ложь нашего времени». Под «великой ложью» Победоносцев понимает как раз идею представительной демократии. Выделяется данная работа из иных исследований тем, что её автор не пытается рассматривать проблему парламентаризма и связанных с ним элементов демократии в теоретическом аспекте. Теория парламентаризма изначально представляется автору достаточно стройной, логичной и даже притягательной для такого социального слоя, как русская

¹⁹ Там же.

интеллигенция. Победоносцев пишет о другом - о том, что все яркие, привлекательные стороны парламентаризма, существующие в теории, выливаются на практике в свою противоположность. Идея представительной демократии, по мнению автора, - не более чем броская, сработанная со знанием дела и рассчитанная на манипулирование общественным сознанием упаковка, обёртка, под которой нет ничего, кроме соблазна и обмана.

Одно из наиболее очевидных противоречий между теорией и практикой парламентаризма видится Победоносцеву в неспособности и нежелании избранных населением «народных представителей» исполнять и проводить в жизнь «народную волю». «Выборы, - говорит он, ссылаясь на реальный опыт государств Западной Европы, - никоим образом не отражают волю избирателей. Представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом. ...Министры в действительности самовластны; и, скорее, они насилуют парламент, чем парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит у власти или устраняет от неё могущественное личное влияние или влияние сильной партии. Они располагают всеми силами и достатками нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей на счёт народа и притом не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте²⁰». Рассуждая дальше о практической деятельности органов исполнительной власти, формируемой парламентами, Победоносцев пишет: «...министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия - ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьёзной

²⁰ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. // Хрестоматия по истории политических и правовых учений (сост. Лёзов И. Л., Огнева Ю. В.) М., ВАВТ, 2011. С. 198.

ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный сравнительно с шумом торжественного производства»²¹. Неудивительно, что эти строки, как будто взятые из объективного журналистского повествования наших дней, вызывают бурную (с элементами удивления и даже восторга) реакцию современных студентов, изучающих «Великую ложь нашего времени» на занятиях по курсу истории политических и правовых учений.

Но вернёмся к тексту. Очень интересен звучащий в статье ответ Победоносцева критикам российского абсолютизма, считавшим данную форму правления причиной экономической и социальной отсталости страны. По мнению автора, основная, главная причина общественных проблем - не столько в управлении обществом, сколько в самом обществе, в сложившейся иерархии ценностей, в прогрессирующей бездуховности. Эта старая истина, известная мыслителям разных эпох²² и разных мировоззрений, по-видимому, была основательно забыта в России конца XIX века. «Испытывая в течение веков гнёт самовластия в единоличном и олигархическом правлении, - пишет Победоносцев, - и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живёт под ним, люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления и представили себе, что с переменю этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия»²³.

Рассматривая реальный состав парламентов Германии и Франции и рассуждая о личностных качествах депутатов, Победоносцев приходит примерно к

²¹ Там же.

²² Мысль о том, что жизнь человека зависит не столько от воли правителей, сколько от собственных убеждений и действий, проходит красной нитью в произведениях Лао Цзы, Конфуция, Аврелия Августина, Фомы Аквинского.

тем же выводам, которые делал в «Курсе государственной науки» Чичерин на основе не практического, а научно-теоретического анализа парламентаризма. Идея служения обществу, по мнению автора, здесь выступает не более чем лживой формулой, под которой цинично проступает желание служить исключительно себе: «Всё здесь рассчитано на служение своему «я». По смыслу парламентской фикции представитель отказывается в своём звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей; а в действительности избиратели - в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя. Перед выборами кандидат в своей программе и речах своих ссылается постоянно на вышеупомянутую фикцию: он твердит всё о благе общественном, он не что иное, как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы ради интереса общественного. И всё это - слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти куда нужно и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже он не станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей. И такая-то комедия выборов продолжает до сих пор обманывать человечество и считаться учреждением, венчающим государственное здание»²⁴. Наблюдения Победоносцева за перипетиями политической борьбы в странах западной Европы, позволили ему согласиться и с другой чичеринской мыслью - о том, что политическая деятельность в условиях парламентаризма органически, по определению, не может вовлечь в свой круговорот людей умных, честных, искренне любящих свою Родину: «Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдёт заискивать голоса, не станет воспевать хвалу себе на выборных собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы. Такой человек раскрывает себя и силы в

²³. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. // Хрестоматия по истории политических и правовых учений (сост. Лёзов И. Л., Огнева Ю. В.) М., ВАВТ, 2011. С. 198

²⁴ Там же. С. 200.

рабочем углу своём или в тесном кругу единомышленных людей, но не пойдёт искать популярности на шумном рынке. Такие люди, если идут в толпу людскую, то не затем, чтобы льстить ей и подлаживаться под пошлые её влечения и инстинкты, а разве затем, чтобы обличать пороки людского быта и ложь людских обычаев»²⁵.

Подводя итог своим рассуждениям, основанным на длительном наблюдении и обобщении реального опыта западноевропейского парламентаризма, Победоносцев ещё раз констатирует вопиющее расхождение между теорией и практикой представительной демократии: «По теории парламентаризма должно господствовать разумное большинство; на практике господствуют пять-шесть предводителей партий: они, сменяясь, овладевают властью. ... По теории, народные представители имеют единственно в виду народное благо; на практике они под предлогом народного блага и на счёт его имеют в виду преимущественно личное благо своё и друзей своих. По теории, они должны быть из лучших, изблюбленных граждан; на практике - это наиболее честолюбивые и нахальные граждане. ... По теории, делами в парламенте управляют и двигают опытный разум и бескорыстное чувство; на практике - главные движущие силы здесь - решительная воля, эгоизм и красноречие»²⁶.

Не хотелось бы заканчивать статью о критике идеи парламентаризма в трудах отечественных государствоведов XIX столетия абстрактными оценками или, хуже того, историческими параллелями и пророчествами. Современная Россия существенно отличается от России Тютчева, Чичерина и Победоносцева. В принципе, то же можно сказать и о современном Западе. Но вот о чем обязательно хотелось бы сказать: решение социальных проблем, стоящих перед обществом сегодня, требует не только новых подходов. Оно также требует незамутнённого

²⁵ Там же. С. 201.

²⁶ Там же. С. 202.

стереотипами сознания, способного противостоять технологиям манипулирования, становящимся из века в век всё более и более совершенными. И в этом смысле обращение к идейному наследию прошлого является, безусловно, значимым и полезным. Осмысление этого наследия, быть может, способно вывести нас на путь практического использования истории, которая, вопреки известному афоризму В. О. Ключевского, будет, наконец, не только «проучивать», но и «учить».

Литература.

1. Литературное наследство. Издательство АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького / под ред. В. Р. Щербины (гл. ред.). Т. 97. Книга 2: Федор Иванович Тютчев / вступ. ст. и комм. Л. Н. Кузиной, М., 1997.
2. Тарасов Б. Н.. Куда движется история? Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции. СПб., Изд. «Алетейя», 2002.
3. Тарасов Б. Н. «Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев. Неопознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский. СПб., Изд. «Алетейя», 2012.
4. Тютчев Ф. Россия и Запад. М., Институт русской цивилизации, 2011.
5. Хрестоматия по истории политических и правовых учений (сост. Лёзов И. Л., Огнева Ю. В.) М., ВАВТ, 2011.
6. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Т. 1. Кн. 2. М., Типография товарищества Кушнерева и К., 1894.